

- smartfiction - <http://smartfiction.ru> -

Надо что-то сделать! Генрих Бёлль

Posted By *Hunter* On 13.07.2012 @ 06:00 In Рассказы | [1 Comment](#)

Пожалуй, самым примечательным в моей жизни был тот период, когда я работал на фабрике Альфреда Вунзиделя. От природы я больше склонен к раздумью и безделью, чем к труду, однако время от времени длительное безденежье вынуждает меня пускаться на поиски работы — ведь раздумья столь же неприбыльное занятие, как и безделье.

И вот как-то раз, вновь попав в такое положение, я вверил себя заботам посреднической конторы по найму рабочей силы и вместе с семьёй товарищами по несчастью попал на фабрику Вунзиделя, где нам всем должны были устроить испытание на годность.

Уже сам вид фабрики заставил меня насторожиться: стены ее были сложены из сплошных стеклянных плит, а мое отвращение к светлым зданиям и помещениям может сравниться разве лишь с моим отвращением к труду. Еще больше встревожился я, оказавшись в светлой, сияющей радужными красками столовой, где хорошенькие официантки мгновенно подали нам завтрак: яйца, кофе и ломтики поджаренного хлеба. В изящных графинах искрился апельсиновый сок, золотые рыбки тыкались тупыми носами в стенки светло-зеленых аквариумов. Официантки — все как одна — так и светились от радости. Казалось, она распирает их и вот-вот взорвет изнутри. Лишь громадным усилием воли сдерживали они залиvistые трели, так и рвавшиеся из груди. Неспетые песни распирала их, как кур распирают неснесенные яйца.

В отличие от моих наивных товарищей по несчастью я тотчас же смекнул: этот завтрак тоже входит в программу испытания. И вот я принялся пережевывать пищу с самозабвенным и торжественным видом человека, сознающего важность восполнения запаса питательных веществ в организме. Я даже решился на то, к чему в нормальной обстановке меня не принудили бы никакой силой: принял натошак стакан апельсинового сока, не дотронулся ни до яйца, ни до кофе, закусил кусочком поджаренного хлеба и, встав из-за стола, принялся нетерпеливо мерить шагами зал, демонстрируя неудержимую тягу к бурной деятельности.

Вот почему меня первого пригласили в комнату для испытаний, где на легких столиках уже были разложены анкеты. Комната была выдержана в мягких зеленых тонах и у знатоков интерьера непременно исторгла бы возгласы восхищения. Казалось, там никого не было, и все же я был настолько уверен, что за мной наблюдают, что вел себя так, как полагается человеку, рвущемуся к активной деятельности и думающему, что его никто не видит: нетерпеливо выхватил я из кармана пиджака авторучку, отвинтил

колпачок, присел к первому попавшемуся столу и придвинул к себе анкету жестом, каким раздражительные люди хватают гостиничные счета.

Первый вопрос: Считаете ли вы закономерным, что у человека две руки, две ноги и по паре глаз и ушей?

Вот когда я впервые мог пожать плоды своих раздумий! Не колеблясь ни минуты, я написал: «Имей я даже по две пары рук, ног и ушей, моя жажда деятельности все равно не была бы утолена. Слишком уж скупо оснащен природой человек».

Второй вопрос: По скольким телефонам вы можете говорить одновременно?

На этот вопрос ответить было не труднее, чем решить уравнение с одним неизвестным. «Если телефонов всего семь, — написал я, — я страдаю от недогрузки. И только когда их девять, я чувствую себя удовлетворенным».

Третий вопрос: Чем вы занимаетесь на досуге?

«Не знаю слова „досуг“, — ответил я. — Когда мне исполнилось пятнадцать лет, я исключил его из своего словаря, ибо вначале было дело».

Естественно, место досталось мне. Но оказалось, что и при девяти телефонах я не чувствовал себя удовлетворенным. Целыми днями я вопил в трубки: «Действуйте немедленно!» Или: «Надо что-то делать!», «Кое-что уже сделано!», «Все должно быть сделано!». Однако чаще всего я пользовался повелительным наклонением: мне казалось, что это как-то больше в духе времени.

Обеденные перерывы, во время которых мы, собравшись в столовой, источавшей здоровый оптимизм, дружно поедали витаминизированные блюда, также были весьма содержательными. На фабрике Вунзиделя было полным-полно людей, горевших желанием поведать другим историю своей жизни, что вообще свойственно деятельным натурам. История их жизни им куда важнее самой жизни. Один неосторожный вопрос — и на вас низвергается целый водопад излияний.

Заместителем Вунзиделя был некий Брошек, известный тем, что еще будучи студентом, содержал семерых детей и парализованную жену, для чего работал по ночам, успешно подвизаясь в качестве агента четырех торговых фирм одновременно, и тем не менее за два года с отличием окончил два факультета. На вопрос репортеров: «Когда же вы спите, Брошек?» — он отвечал: «Спать грешно!»

Секретарша Вунзиделя некогда зарабатывала на жизнь вязанием, содержала разбитого параличом мужа и четверых детей, что не помешало ей в то же время защитить диссертации по психологии и географии, заниматься разведением овчарок и под кличкой «Женщина-Вампир 7» прославиться в амплуа кафешантанной певицы.

Сам Вунзидель был одним из тех людей, которые с самого утра, едва восстав от сна,

уже полны жажды действий. «Надо действовать!» — думают они, энергично затягивая пояс халата. «Надо действовать!» — думают они, бреясь, и бросают взгляды победителя на сбритую щетину, смываемую вместе с мыльной пеной: эти остатки волосяного покрова — первые жертвы их неукротимой энергии.

Этим людям приносят удовлетворение и более интимные жизненные отправления: вода журчит, бумага идет в дело. Кое-что уже сделано! Хлеб поедается, с яичка сдирается скорлупа.

Самые обычные действия Вунзиделя выглядели необычайно решительными поступками: вот он надевает шляпу, вот он — дрожа от избытка энергии — застегивает пальто и целует жену — все это не поступки даже, а деяния.

Входя в свою контору, он вместо приветствия говорит секретарше: «Надо кое-что сделать!» И та радостно откликается: «Все будет сделано!» После чего Вунзидель отправляется по отделам и цехам, везде радостно восклицая: «Надо кое-что сделать!» На что все хором отвечают: «Все будет сделано!» Когда он входит в мою комнату, я тоже, сияя от счастья, восклицаю: «Все будет сделано!»

В течение первой недели я довел число обслуживаемых мной телефонов до одиннадцати, за вторую неделю — до тринадцати. По утрам в трамвае я развлекался тем, что изобретал новые виды предложений в повелительном наклонении или придумывал, в каком еще виде и залоге употребить глагол «делать». Два дня подряд я повторял в трубки одну и ту же особенно полюбившуюся мне фразу: «Кое-что должно было бы быть сделано!», — а последующие два дня — другую: «Это не должно было бы быть сделано!»

И только я было начал ощущать действительно полное удовлетворение от своей работы, как вдруг мне и вправду пришлось что-то делать: однажды, во вторник, — рабочий день только начался, и я еще даже не успел как следует усестись за стол, — Вунзидель ворвался в мою комнату со своим обычным «Надо кое-что сделать!». Однако на его лице было какое-то странное выражение, из-за которого я не смог ответить быстро, бодро и радостно, как положено: «Все будет сделано!» Видимо, я довольно долго медлил с ответом, потому что Вунзидель, почти никогда не повышавший голоса, заорал: «Отвечайте же! Отвечайте, как положено!» И я ответил сквозь зубы, надувшись, как ребенок, которого заставляют сказать: «Я дурной мальчик». С большим трудом выдавил я из себя эту фразу: «Все будет сделано!»

Но едва я закрыл рот, как Вунзидель и впрямь кое-что сделал: рухнул на пол и растянулся во весь рост на пороге. Я сразу понял, в чем потом убедился окончательно, когда медленно вышел из-за стола и приблизился к лежащему: он был мертв.

Сокрушенно покачивая головой, я перешагнул через Вунзиделя, вяло поплелся по коридору к кабинету Брошека и вошел, не постучавшись. Брошек сидел

за письменным столом, держа в каждой руке по телефонной трубке, а во рту — шариковую ручку, которой он что-то заносил в блокнот, одновременно нажимая босыми ногами на педали и кнопки вязальной машины, стоявшей под столом (таким образом он вносил свой вклад в комплектование гардероба членов семьи). «Надо что-то делать», — тихо сказал я. Брошек выплюнул шариковую ручку, бросил обе трубки на рычаги и снял ноги с вязальной машины. «А что именно надо делать?» — спросил он. «Господин Вунзидель скончался», — сказал я. «Не может быть», — возразил Брошек. «Скончался, — повторил я. — Пойдемте». — «Не верю, — сказал Брошек. — Это невозможно». Но все же сунул ноги в шлепанцы и пошел за мной по коридору. «Не верю, — повторил он, когда мы уже стояли над трупом Вунзиделя. — Нет, не верю». Я не стал спорить. Осторожно повернув Вунзиделя на спину, закрыл ему глаза и долго в раздумье смотрел на него.

Я испытывал к нему чувство, близкое к нежности, и впервые понял, что никогда не питал к нему ненависти. На его лице застыло такое выражение, какое бывает у детей, упорно не желающих отказаться от веры в аиста, хотя доводы приятелей и звучат весьма убедительно. «Нет, — сказал Брошек. — Нет, не может быть!» — «Надо что-то делать», — тихо сказал я Броше-ку. «Да, — ответил Брошек. — Надо что-то делать». И «это» было сделано: Вунзиделя похоронили, и мне выпала честь нести за его гробом венок из искусственных роз, ибо природа наделила меня не только склонностью к раздумью и безделью, но и внешностью, к которой чрезвычайно идут черные костюмы. Очевидно, шествуя за гробом Вунзиделя с венком из искусственных роз в руках, я являл собой великолепное зрелище. Ибо некое весьма солидное похоронное бюро официально предложило мне постоянную должность «скорбящего».

«Вы словно рождены для этой роли, — сказал мне глава фирмы. — Экипировка за наш счет. Ваше лицо для нас настоящая находка!»

Я подал Брошеку заявление об уходе, обосновав его тем, что не получаю удовлетворения от работы из-за постоянной недогрузки, так как даже тринадцать телефонов не дают мне возможности полностью использовать все заложенные во мне способности.

Уже после первых похорон я понял: вот мое призвание, вот мое место в жизни. Погруженный в раздумье, стою я у гроба во время отпевания, держа в руке скромный букет и прислушиваясь к звукам Largo Генделя — вещи, в наше время незаслуженно забытой. Кафе неподалеку от кладбища стало моим излюбленным пристанищем в часы между дежурствами. Однако иногда я провожаю в последний путь и таких покойников, на похороны которых меня не приглашали, покупаю на собственные деньги букет и составляю компанию чиновнику из отдела общественного вспомоществования, одиноко бредущему за гробом бездомного. Время от времени я навещаю и могилу Вунзиделя, ибо в конце концов именно ему я обязан тем, что мне открылась моя истинная профессия — профессия, при которой задумчивость прямо-таки необходима, а безделье даже обязательно.

Лишь много позже мне пришло в голову, что я ни разу не поинтересовался, что именно выпускала фабрика Вунзиделя. Кажется, там делали мыло.

Article printed from smartfiction: **<http://smartfiction.ru>**

URL to article: **http://smartfiction.ru/prose/just_do_it/**

<http://smartfiction.ru> — качественная литература по будням. Коротко.